

Я сам по примеру твоему, душа Тряпичкин, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно, надо чем-нибудь высоким заняться...

Ревизор.

История детства будущего фельетониста – история детства многих из средних дворян. Попечительные и нежные родители, как водится, пичкают в него булки и пряники с утра до ночи. Appetit у дитяти изрядный, потому что он целый день в движении, целый день бегают по двору да гоняет кнутом дворовых мальчишек, отгрызаясь с бабами и лакеями. Между тем он кое-чему и учится – и даже зубрит (употребляя школьное выражение) французские вокабулы. Лет в двенадцать он уже достаточно вытянулся. Попечительные и нежные родители (у которых от 200 осталось только 45 заложенных и перезаложенных душ) находят неприличным держать его дольше дома и отсылают в Москву в пансион. В пансионе его учат всему понемножку и ничему не выучивают; однако лет в пятнадцать он переводит с французского на русский довольно сносно и начинает чувствовать страстишку к чтению. На школьной лавке, потихоньку от гувернеров и учителей, перечитывает он все романы (в переводах) от г-ж Котень и Жанлис до Вальтера Скотта включительно.

Эти романы возбуждают в нем неопределенное и тревожное желание самому сделаться сочинителем.

Учитель словесности – педант-семинарист – своими похвалами еще более раздражает в нем это желание. И герой мой в свободные от лекций часы сидит в углу классной комнаты и там на лоскутках бумаги все пишет и написанное тщательно прячет от всех.

Однажды, когда он сидит над лоскутком, грызет перо, качает головой и бормочет что-то сквозь зубы, один из его товарищей ловко подкрадывается к нему и уносит его заветный лоскуток с стихами... Будущий фельетонист вскрикивает от испуга, с ожесточением бросается на товарища; но тот одним толчком обезоруживает бессильного поэта и убегает от него с своим приобретением... Через две минуты весь пансион окружает сочинителя. "У! у! сочинитель! сочинитель!" – кричат мальчишки, дразня его языком, смеясь и прыгая около него. С тех пор ему не дают покоя; но, несмотря на преследование товарищей, охота писать не оставляет его. Он постоянно пачкает бумагу или читает разрозненные томы русских журналов.

Наконец ожесточение против него товарищей мало-помалу прекращается: они, смеясь над ним, не шутя приучаются к мысли, что он сочинитель. И бедняжка (ему почти семнадцать лет) несколько ободряется: он, в подражание тем журналам, которые читал, хочет и сам издавать журнал для своего класса. Он покупает для будущего журнала прекрасную тетрадку, две недели расписывает заглавный лист, две недели разрисовывает виньетку. Когда же и заглавный лист и виньетка окончены, он начинает думать о содержании своего журнала, пишет для него и стихи, и повести, и критики... Стишки и повести немного затрудняют его. "Подбирать рифмы не легко, выдумывать сюжетцы для повестей также трудновато, – думает он, – критика легче, а может быть, она мое "истинное призвание" (эту фразу он – плут – вычитал в журнале). Критика?... Что, если я буду когда-нибудь настоящим сочинителем? Кажется, можно сойти с ума от радости, видя в печати свои сочинения!..."

И, отдаваясь этим соблазнительным мечтам, он – тихий и скромный мальчик – аккуратно и красиво переписывает свои сочинения в тетрадку. Проходят два месяца: вся тетрадка исписана, журнал готов, он уже переходит из рук в руки. Страшная минута для издателя!... У него замирает дух.

Чем-то решится его участь?... Но над ним уже не смеются, его читают, его даже немножко похваляют... Весело быть сочинителем!

Скоро затворническая жизнь его кончится; из мальчика он делается молодым человеком и держит экзамен в университет.

Он уже студент! Он вместо отложных воротничков носит галстук; он без провожатого ходит по московским улицам и бульварам; он после лекций забегает в лавку Пера съесть пирожок. Перспектива жизни открывается перед ним: сколько соблазнов! Театр, слоеные пирожки, хорошенькие девушки, вино и журнальные статейки...

Молодой человек, помаленьку пользуясь жизнью, переходит во второй курс; физиономия его принимает более серьезное выражение. Он надевает очки, зеваает в лекциях, робко подглядывает под шляпки, насвистывает водевильные куплеты и грезит о будущей литературной славе своей, переводя между тем, для собственного удовольствия, разные